

<...> Пушкин обладал блестящим, отчетливым и чрезвычайно быстрым умом — Глинка был рыхлый, вялый человек, по-видимому, не очень умный (дневники его не свидетельствуют ни об уме, ни о наблюдательности) — он уже этим одним не годится в историческую параллель с Пушкиным.

<...>

Впервые опубликовано: *Новое русское слово*, 1954, 30 мая. — Цит. по изд.: Л.Л. Сабанеев. *Воспоминания о России*. — М.: Классика-XXI, 2004. — С. 26 — 28.

Михел ван дер Ватерло*

Из «Наставлений самому себе в практической критике» (са. 1930)

Критика — дело рискованное. Я не могу написать «дирижер N провел симфонию Бетховена блистательно» без того, чтобы меня уличили в партийности. В другой раз я пишу: «дирижер N провел симфонию Бетховена из рук вон плохо» — и мне достается то же самое. Что же делать, если исполнение было действительно плохим? если оно действительно блистало? — Оставаться верным себе и рисковать дальше.

Всяк пишущий обрекает себя и на осуждение, и на похвалы. Первому особенно подвержен критик. Но наибольшая опасность там, где критик отвечает на нападки; ничто не развращает пишущего так, как вовлечение его в полемику, навязываемую и поддерживаемую искусственно. Это означает соучаствовать в мелком мошенничестве под видом благих намерений, ибо меня заставляют почему-то перевести взор с произведения искусства на произведение критики. Какой вздор! Что бы ни говорили, я должен молчать. Старика Гёте спросили: «А если бы Вас обвинили в краже столового серебра?» — «Не имеет значения, надо молчать».

Отвечать на критику — значит поступать глупо. У якобы несправедливой критики все равно не отберешь право, которого у нее и так нет, право последнего слова. Критическое слово — не вердикт, даже не диагноз. Оно всего лишь одно из многих случайных *свидетельств присутствия*. И как таковое оно есть отражение произведения, волей случая неверное и фрагментарное.

Требовать от критики откровений и справедливости значит непомерно преувеличивать ее скромное назначение. Всякие претензии, но также и похвалы в адрес критики, ко всему прочему, опрометчивы: они выдают нечистую совесть.

Мне нравится то, что не приемлют другие. Критик тоже человек, ему тоже *нравится и не нравится*. Сколь часто я поддаюсь искушению вынести вердикт на основании этого нравится-не нравится, вместо того чтобы понять и объяснить. Критик все-таки не судья, что бы ни думало большинство, в его обязанности не входит принятие так называемых справедливых решений.

* Ватерло Михел ван дер (1893 — 1931) — нидерландский музыкальный критик, писатель.

Не пишу ли я одним и тем же языком о музыке хорошей и музыке плохой? Не адресую ли одной и другой одинаково выраженные похвалы и порицания? Если так, значит мне безразлична музыка и ее совершенство, значит и доверие моего читателя для меня ничто.

Обычная ошибка пишущего в том, что он допускает разговорный стиль. Хорошо, если ты говоришь как пишешь, иначе твой труд постигнет катастрофа. Вмешиваясь в природу стиля, будь готов к сокрушительным последствиям. Если стиль – это человек, то принуждение он встречает неповиновением.

Особое и своеобразное – проклятие современного языка критики.

Строжайший запрет. Да не смею братья за перо! – до тех пор пока во мне не утихнет *воодушевление*, пока не смолкнет невнятица *диалогов* с услышанным, пока все *свежее, блестящее, великолепное* не опадет, как осенняя листва, и сладкий вкус наслаждения не превратится в горечь пустоты.

Я твержу про *ощущения и чувства, наслаждение и удовлетворение*, когда меня оставляют все живые слова. И живым словам нет места там, где нет мысли. Только тогда я начинаю мыслить, когда стремлюсь по-настоящему понять то, что я слушал.

И в искусстве, и в критике мысль – прежде всего. Мысля, я нахожусь в том счастливом положении, что могу не зависеть от критики в адрес моей критики.

Что есть мысль в музыкальной критике? – Она дитя музыкальной мысли. Стало быть, мысль о произведении и исполнении, о форме и произнесении. Что угодно, но только мысль!

Иногда принимаю сказанное композитором за необходимую мысль, которую в лучшем случае я прокомментирую. Но мне неведом путь к той мысли, она не моя. Я забываю, что в искусстве имеет значение только то, к чему ты пришел самостоятельно и независимо от других, что каждый должен отвечать за себя. Что мне до слов другого? Бойся композитора!

Во все времена в музыкальном мире было много шума из ничего. Сегодня – из-за новейшей диссонантной музыки. Шёнберга, этого добросовестного ремесленника в музыке, представляют чуть ли не Ангелом Смерти, который явился погубить искусство музыки. Думаю, значение берлинского додекафониста сильно преувеличивают. И не замечают болезни куда более опасной. Надо прислушаться к тому, как звучит в наше время симфония Бетховена под управлением одного итальянского *maestro*, зачистившего к нам на север. Я предвижу наступление времени, когда Бетховенова композиция окажется неузнаваемой и невразумительной, и мир этого даже не заметит.

Когда силы разума слабеют, когда воля к мысли отказывает, когда смыслу противоречит слово, тогда меня охватывает лихорадка *равнодокладности*. Один русский мечтал писать такую музыку – для знатоков и неучей. Намерение, может быть, и похвальное. Но мы, слава Богу, уже не дети: нельзя же до глубокой старости лезть из кожи вон, чтобы нравиться всем и каждому. В конце концов, наступило горькое пробуждение, когда пришлось расплачиваться за бездумное заигрывание со *всеми*: выяснилось, что искусство больше не может быть для *всех*, а если «для всех», то это не искусство.